

С инспекцией на Целину

Во второй половине мая, отец решил своими глазами взглянуть на целину и заодно познакомиться с Сибирью. Он намеревался посмотреть, как прошел сев, оценить всходы. Отец со здоровым скепсисом относился к справкам, понимал, что в них пишут не как есть, а как надо. Такие поездки отец очень любил, общаясь с людьми, по выражению их лиц, вопросам, реакции на спонтанные выступления на сельских майданах, он составлял впечатление, чем дышит страна, как она живет. Знал он, что к его приезду все постараются прибрать, подкинуть в магазины продукты. Но он также знал, что за день, за неделю в корне ничего изменить нельзя. Даже знаменитые «Потемкинские деревни», якобы выстроенные всесильным фаворитом Екатерины II по пути следования матушки-государыни из Санкт-Петербурга в Крым, если как следует покопаться в истории, на самом деле оказываются, возведенной на князя Потемкина, к тому времени уже впавшего в опалу, напраслиной. Внимательный глаз, сквозь наведенный внешний лоск, всегда разглядит истинное положение дел.

В своих привычках отец тут не одинок. Элеонора Рузвельт, жена американского президента Франклина Рузвельта, рассказывает в воспоминаниях, как муж учил ее оценивать жизнь американцев из окна вагона. Тогда в США еще ездили в поездах. «Он (Рузвельт. – С. Х.) обладал необыкновенным даром наблюдения и мог определять состояние дел в местностях, которые наблюдал из окна вагона или автомобиля. От него я научилась изучать жизнь страны сквозь окно вагона: как смотрятся поля, и какие виды на урожай, как одеты люди, как много машин попадает по пути и в каком они состоянии и даже какое белье сушится на веревках».

Я напросился поехать с отцом. Правда, в институте приближалась сессия, но «хвостов» у меня не было, а неделя, десять дней – не срок. Мне очень хотелось взглянуть на экзотические казахские степи, о них я много читал в книгах о Пржевальском и Семенове-Тян-Шанском.

Начали с Кустаная. Поездка мне показалась неинтересной. Пока отец совещался с местным начальством, я в одиночестве сидел в отведенной ему резиденции. Потом отправились в степь, заколесили по полям. Отец то и дело останавливал машину, выходил на пашню, брал горсть земли, долго мял ее, иногда даже нюхал, вглядывался в ярко-зеленый ежик всходов пшеницы, о чем-то говорил с сопровождавшими его хозяевами этой земли, расспрашивал, чаще хвалил, реже сердился. Я же откровенно скучал.

Запомнился мне разговор на краю бескрайнего поля о тракторах. Позже отец напишет, что на одном краю поля тракторист завтракает, а заканчивает борозду только к обеду. И не только из-за бескрайности местных просторов. По целине даже наш мощнейший восьмидесятисильный сталинградский трактор способен был переворачивать переплетенный корнями трав почвенный пласт, только двигаясь на первой передаче, со скоростью два километра в час. Тракторист, молодой парень из Подмоскovie, горячась и потев, объяснял отцу, что нужны мощные трактора, иначе с целиной не совладать. Отец внимательно слушал, задавал вопросы. Стоявший рядом помощник Андрей Степанович Шевченко что-то записывал в свою необъятную и изрядно замусоленную тетрадь. Разговор не прошел бесследно. На выпускавшем тяжелые танки ленинградском заводе им. Кирова начали проектировать двухсотпятидесятисильный, а затем и семисотсильный трактор «Кировец». Он стал основной тяговой силой на целине, прослужил верой и правдой более двух десятилетий, а в середине 1980-х годов «впал в немилость».

С наступлением перестройки журналисты, писатели и другие всезнайки поносили его за гигантизм и излишнюю мощь: и поле он портит, и в «цивилизованном» мире никто таких монстров не производит. Во время своих поездок в Европу, на тамошних полях они ничего подобного не видели. Под давлением «общественности» производство «Кировцев» остановили, завод лишился заказов, а уже бывшая целина – тракторов.

Писатели и журналисты с таким пафосом и убежденностью разносили в пух и прах мощные трактора, походя обвиняя отца в некомпетентности, что и я им поверил, переживал за него. Почему-то в России любой журналист-писатель считает себя экспертом по сельскому хозяйству. И, что еще хуже, их мнение вдруг становится решающим, со всеми вытекающими разрушительными последствиями.

В 1994 году жизнь занесла меня в штат Монтана – американский Казахстан, с такими же бескрайними полями, засеянными пшеницей и кукурузой, снежными пиками гор на горизонте, малолюдными фермерскими поселками. На местном празднике урожая фермеры пели, танцевали, закусывали (почти не пили), а рядом расположилась выставка сельскохозяйственной техники. Выкрашенные в красный цвет, больше похожие на пожарные, чем на сельскохозяйственные, машины: красные комбайны, сеялки, косилки, бороны и, конечно, трактора: маленькие, средние, большие и просто огромные. Меня поразил трактор с колесом выше человеческого роста и мощностью мотора под тысячу лошадиных сил. Под впечатлением от критики «Кировца» за его экономическую нерентабельность в условиях конкуренции, я поинтересовался: кому такой гигант нужен? Разве что для строительства дорог? Местные фермеры улыбнулись: при их просторах только таким трактором и пахать, меньший не экономичен, нужное количество плугов не тянет.

Целина отца поразила. «На меня, побывавшего первый раз в Казахстане, большое впечатление произвели невероятные просторы целинных земель – это сплошная равнина, без конца и края. Там, где мне пришлось побывать, земли, как правило, хорошие, в своем большинстве пригодные для обработки и возделывания многих сельскохозяйственных культур.

Могу сказать – хороши украинские степи, но вы бы посмотрели на казахские и сибирские просторы. Раньше я полагал, что нигде нет таких богатейших земель, как на Украине, а теперь в Казахстане увидел чистейший чернозем на полметра глубины, а кое-где побольше, – восхищается отец. – В большинстве колхозов и совхозов качество вспашки удовлетворительное, но в ряде мест пахота некачественная... Как старожилы, так и вновь прибывшие убеждены – в этих районах можно получать много хлеба, предпочтительнее яровой пшеницы... На вложенный в целину рубль получается большая отдача, зерно здесь много дешевле, чем в центральных областях страны. В высокой экономической эффективности начатого нами дела нет никаких сомнений... Здесь такие необъятные просторы, что нет никакого предела для развития животноводства, однако можно проехать много десятков километров и не встретить ни одного стада... Овцеводство здесь ведется по старинке и подвержено случайностям, на отгонных пастбищах нет страховых фондов кормов».

По результатам поездки отец написал записку-отчет в Президиум ЦК, потом, 23 июня 1954 года, выступил на Пленуме ЦК. Адресуясь к участникам Пленума ЦК он предлагает распахать дополнительно еще 15 миллионов гектаров новых земель.

«Есть разные мнения на этот счет, – продолжает отец, – одни товарищи говорят, нельзя ли подождать, так как мы еще и 13 миллионов гектаров не освоили».

Но зерно нужно сейчас, потребление в стране растет, у людей появляются дополнительные деньги. Только от сокращений суммы займа на руках останется 18 миллиардов рублей. В 1953 году подписали на 36 миллиардов, а в 1954-м только на половину от этой суммы. Эти средства люди хотят расходовать, и «мы должны выиграть время. Чтобы получить нужное количество хлеба в центральных областях страны, потребуется десять лет. Чтобы дать центральным областям минеральные удобрения, надо построить новые заводы, на это уйдут, как утверждают специалисты, те самые десять лет, придется затратить десятки миллиардов рублей», – повторяет отец уже знакомые слушателям аргументы. «В Казахстане и Сибири мы получим самый дешевый хлеб. Ни один район страны, кроме Кубани, такого дешевого хлеба не дает. Так почему мы должны от него отказываться?»

Отец убедил слушателей, решили к 1955 году, в дополнение к уже возделанным, распахать еще 15–18 миллионов гектаров, целины.

Отец говорил и о несделанном: дорог на целине нет, надо срочно строить узкоколейки, без них урожай пропадет. Кое-кто из «энтузиастов», получив подъемные и отметившись на целине, тут же исчезает. Нет домов, люди живут в палатках. Все это отец знал и раньше. Прошлой зимой колебался, с чего начать: со строительства жилья и дорог или с распашки полей и сева. Остановился на последнем: хотя без дорог потери зерна увеличатся, но все равно останемся в выигрыше, хлеб нужен до зарезу сейчас. А там и остальное подоспеет.

1954 год страна прожила под знаком освоения целины. В начале июля отец вновь отправляется в Сибирь, 11 июля 1954 года проводит в Новосибирске большое совещание, посвященное и целине, и животноводству, и другим сельскохозяйственным делам. Напирает он на животноводство, оно «стало камнем преткновения».

«Маленькая Голландия, маленькая Дания, их на карте можно пальцем прикрыть, производят столько продуктов, что хватает и себе, и на продажу. Мы вынуждены покупать в этих странах мясо и масло. Разве не стыдно? Что стоит корова, дающая 11 тысяч литров молока в год. Она не молочница, а навозница. Но навозницы нам не нужны. У нас же считают коров по хвостам, а не по продуктивности.

Я тут, сидя в президиуме, подсчитал в уме, что новые 30 миллионов гектаров позволят получить корма, достаточные для откорма свиней, дающих 33,6 миллионов тонн мяса в год. Надо только взяться за дело с умом, и никакая Голландия с Данией за нами не угонится».

На совещании вновь завязался разговор, как пахать целину. Договорились собрать в хозяйстве у Терентия Мальцева семинар. 8 августа 1954 года в колхозе «Заветы Ильича» Кур-

ганской области 100 человек, съехавшихся со всей Сибири и Казахстана, «изучали методы полеводства, предложенные Мальцевым», – написала газета «Правда».

В первый же год целина не просто дала хороший результат, но, по большому счету, выручила страну. В 1954 году на европейский юг страны навалилась засуха, выгорели хлеба на Украине, в Поволжье, в Ставрополье. Оставалась одна надежда на целину. И целина не подвела, хотя из вспаханных в 1954 году более 17 миллионов гектаров засеяли всего одну пятую, 3,5 миллионов гектаров. Но с каждого гектара получили по 9,3 центнера (при среднем урожае по стране 7,7 центнера с гектара). Благодаря целине, несмотря на засуху, в 1954 году собрали зерна на 4,3 миллиона тонн больше, чем в прошлом году. Не бог весть какое достижение, но если бы не целина, то стране бы не поздоровилось, госрезервов бы не хватило, пришлось бы ограничивать продажу хлеба, чего новому руководству никто и никогда бы не простил. Целинная прибавка позволяла пусть и кое-как, но удовлетворить спрос. А он, как и предполагал отец, возрос с 37,3 миллионов тонн в 1953 году до 42,5 миллионов тонн в 1954-м. Пришлось, уже второй год, не увеличивать госрезерв, а, напротив, позаимствовать из него 6,8 миллионов тонн. В элеваторах оставалось всего 6,3 миллиона тонн.

Отец был откровенно счастлив, хотя и не устал повторять: год на год не приходится, в зоне рискованного земледелия то густо, то пусто. Слава Богу, в 1954 году получилось «густо». Понимал он, что земля пока еще свеженькая, не родившая, постепенно она истощится. Но и это не беда, к тому времени появятся минеральные удобрения.